

Глава II. Репрессии, палочный режим и его банкротство. И все-таки движение вперед (1825–1855)

Годы царствования Николая I — 1825–1855. С революционной точки зрения, в то время не произошло ничего выдающегося. Но в целом это тридцатилетие на многое наложило свой отпечаток.

Взойдя на трон под знаком восстания декабристов, Николай I решил взять страну в железные тиски, стремясь в зародыше задушить любые проявления свободолюбия. Он до крайности упрочил абсолютистский режим и завершил превращение России в бюрократическое и полицейское государство.

Воспоминания о французской Революции и прокатившихся затем по Европе революционных движениях были для него настоящим кошмаром. Поэтому он принял чрезвычайные меры предосторожности.

Всё население находилось под пристальным наблюдением. Бюрократический, полицейский, судебный произвол переходил все границы. Всякое стремление к независимости, всякая попытка избавиться от тяжкого полицейского гнёта беспощадно подавлялись.

Естественно, не было и намёка на свободу слова, собраний, организации и т. д.

Цензура свирепствовала как никогда прежде.

Любое нарушение «закона» каралось предельно сурово.

Польское восстание 1831 года — с беспрецедентной жестокостью потопленное в крови — и международная ситуация подталкивали императора к дальнейшей милитаризации страны. Он хотел, чтобы жизнь народа подчинялась жёстким казарменным правилам, и суровое наказание ожидало всякого, кто не подчинялся установленной дисциплине.

Самодержец вполне заслужил своё прозвище: «Николай Палкин».

Несмотря на все эти меры — или, скорее, благодаря им и их губительным последствиям, в которых царь не желал отдавать себе отчёта, — страна (отдельные слои населения) по любому поводу выражала своё недовольство.

С другой стороны, помещное дворянство, которое император особенно лелеял, видя в нём свою основную опору, безнаказанно и жестоко эксплуатировало своих крепостных. И в крестьянских массах нарастало глухое, но всё более явственное недовольство. Мятежи против помещиков и местных властей угрожающе множились. Репрессивные методы теряли свою эффективность.

Продажность, бездарность и произвол чиновников становились всё невыносимее. Царь, нуждаясь в их поддержке, чтобы держать народ в повиновении, не хотел ничего видеть и слышать. Это только усиливало недовольство всех, кто страдал от подобного положения вещей.

Живые силы общества были подавлены. Царила официальная рутина, столь же абсурдная, сколь бессильная.

Подобная ситуация неизбежно вела к распаду всей системы. Прочный на вид, режим кнута гнивал изнутри. Огромная империя становилась «колоссом на глиняных ногах».

Это начинали понимать всё более широкие слои населения.

Оппозиционные настроения охватывали всё общество.

Именно тогда началась стремительная эволюция молодой *интеллигенции*.

Россию той эпохи отличал быстрый рост населения, и значительную его часть составляла молодёжь. Каков был её менталитет?

Оставив в стороне крестьянскую молодёжь, можно констатировать, что более-менее образованные молодые люди разделяли передовые идеи. Молодёжь в середине XIX века с трудом мирилась с крепостничеством. Её всё более возмущал царский абсолютизм. Этому способствовало и изучение опыта западных стран, которому не могла помешать никакая цензура (запретный плод всегда сладок). Глубокое воздействие оказало на молодёжь и быстрое развитие естественных наук и материализма. С другой стороны, именно в эту эпоху русская литература, вдохновляясь человеколюбивыми и благородными идеями, переживала, вопреки цензуре, бдительность которой научилась ловко обманывать, мощный подъём, что не могло не влиять на молодые умы.

В то же время крепостной труд и отсутствие всяких свобод уже не отвечали экономическим требованиям эпохи.

Всё это способствовало тому, что интеллигенция — и особенно молодёжь — к концу царствования Николая I придерживалась в целом свободолобивых взглядов и

решительно выступала против крепостничества и самодержавия[4].

Именно тогда возникло известное течение «нигилизма» и обозначился острый конфликт между «отцами», более консервативными, и «детьми», безоглядно передовыми, который великолепно описал Тургенев в своём романе «Отцы и дети».

За пределами России обыкновенно не понимают смысл этого термина, возникшего 75 лет назад в русской литературе и из-за своего латинского происхождения без перевода вошедшего в другие языки.

Во Франции и других странах под «нигилизмом», как правило, имеют в виду *политическую и социальную революционную доктрину*, возникшую в России и нашедшую многочисленных организованных сторонников. Обычно речь идёт о «нигилистской партии», членов которой называют «нигилистами».

Этот не совсем так.

Термин «нигилизм» был введён в русскую литературу, а затем в разговорный язык знаменитым писателем Иваном Тургеневым (1818–1883 гг.) приблизительно в середине прошлого века. В одном из своих романов Тургенев назвал так идейное течение — *а вовсе не доктрину*, — которое завладело умами многих молодых российских интеллигентов в конце 1850 года. Слово быстро прижилось.

Это идейное течение было по существу *философским, нравственным*. Его влияние распространялось исключительно на интеллигенцию. Оно всегда носило *личный и ненасильственный* характер, что не мешало ему вдохновляться идеей индивидуалистического бунта и мечтой о счастье всего человечества.

Движение, которое нигилизм вызвал к жизни (если вообще можно говорить о движении), не выходило за пределы литературы и *нравов*. Впрочем, при тогдашнем режиме любое другое движение было попросту невозможным. Но в этих двух сферах оно не останавливалось ни перед какими логическими заключениями, не только формулируя их, но и стремясь проводить в жизнь как нормы поведения личности.

Таким образом, это движение направило российскую молодёжь по пути духовной и нравственной эволюции, открыло для неё более передовые идеи и способствовало, в числе прочего, эмансипации женщин, получению ими образования, чем Россия конца XIX столетия по праву могла гордиться.

Оставаясь исключительно философским и индивидуалистическим, это идейное течение, благодаря своей гуманной и свободолобивой направленности, несло в себе начатки социальных концепций, которые легли затем в основу подлинно революционного политического и социального движения. «*Нигилизм*» *подготовил почву* для такого движения, возникшего позднее под влиянием западных идей и событий как за пределами, так и внутри страны.

С этим последующим движением, руководимым *организованными партиями* или группами, имевшим конкретную программу действий и *определённые* цели, путали за границей «нигилистское» идейное течение, к которому только и следует применять этот термин.

В основе нигилизма как философской концепции лежали, с одной стороны, *материализм*, а с другой, *индивидуализм* в самом широком понимании.

Знаменитая книга Бюхнера (немецкий философ-материалист, 1824–1899 гг.) «Сила и Материя», появившаяся в то время и тайно отпечатанная на русском языке многотысячным тиражом, несмотря на риск, связанный с её распространением, стала настоящим евангелием тогдашних молодых российских интеллигентов. Большое влияние на них оказали также труды Молешотта, Ч. Дарвина и многих других западных материалистов и натуралистов.

Материализм признали неоспоримой, абсолютной истиной.

Будучи *материалистами*, нигилисты вели ожесточённую борьбу против религии, а также всего, что не поддавалось рациональному осмыслению и научному исследованию, что не являлось сугубо материальным или не приносило непосредственную пользу, наконец, против всего, что имело отношение к сфере духа, чувств, идеалов.

Нигилисты презирали эстетику, красоту, комфорт, духовные радости, сентиментальность в любви, умение одеваться, желание нравиться и т. д. Следуя подобной логике, они доходили до полного отрицания искусства как проявления идеализма. Их главный идеолог, блестящий публицист Писарев, погибший по нелепой случайности в расцвете лет, сравнивал в одной из своих статей рабочего и художника. В частности, он утверждал, что любой сапожник заслуживает большего уважения и восхищения, чем Рафаэль, ибо первый делает материальные и полезные вещи, а произведения второго нельзя использовать на практике. Тот же Писарев с материалистических и утилитаристских позиций пытался развенчать великого Пушкина. «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», — говорит нигилист Базаров в романе Тургенева.

Под «ожесточённой борьбой», которую вели нигилисты, следует понимать лишь литературную и устную полемику, не более того. Деятельность нигилистов ограничивалась завуалированной пропагандой своих идей в нескольких журналах и интеллектуальных кружках. Даже её вести было непросто, поскольку царская цензура и полиция сурово преследовали «иностранные ереси» и всякую независимую мысль вообще. «Внешние» проявления нигилизма выражались главным образом в непринуждённой манере одеваться и вести себя. Так, женщины-нигистки обычно коротко стригли волосы, водружали на нос очки, чтобы выглядеть менее привлекательными и подчеркнуть своё презрение к красоте и кокетству, носили грубую одежду в противовес модным туалетам, подражали мужской походке и курили, заявляя таким образом о равенстве полов и бросая вызов общепринятым правилам поведения. Сути движения эта экстравагантность ничуть не умаляла. Она легко объяснима и простибельна, учитывая невозможность как-то иначе заявить о себе. А в области нравов нигилисты являлись абсолютными ригористами.

Но главной основой нигилизма был *своеобразный индивидуализм*.

Возникнув сначала как естественная реакция на подавление свободной мысли и личности в России, этот индивидуализм пришёл к отрицанию во имя абсолютной свободы личности всякого принуждения, обязанностей, условностей, традиций, налагаемых на человека обществом, семьёй, обычаями, нравами, верованиями, приличиями и т. д.

Полное освобождение личности, мужчины и женщины, от всего, что может посягнуть на её независимость или свободу мысли: такова была основополагающая идея нигилизма. Он отстаивал священное право личности на полную свободу и неприкосновенность.

Почему это идейное течение получило название «нигилизм»? Тем самым его сторонники хотели сказать, что не принимают *ничего* (по-латински *nihil*) из того, что является естественным и почитаемым для других: семью, общество, религию, традиции и т. д. Если такому человеку задавали вопрос: «Что вы принимаете, одобряете из окружающего вас, среды, которая считает своим правом и даже долгом оказывать на вас то или иное влияние?» — он отвечал: «Ничего!» (*nihil*). Значит, он был нигилистом.

Как мы отмечали выше, вопреки своему чисто индивидуалистическому и философскому характеру, нигилизм (отстаивавший свободу личности главным образом как абстрактное понятие, не выступая против господствующего деспотизма) готовил почву для борьбы с тем, что реально и непосредственно препятствовало политическому, экономическому и социальному освобождению.

Но не нигилизм начал эту борьбу. Он даже не поставил вопроса: «Что делать для подлинного освобождения личности?» Он до конца оставался в рамках чисто идеологических дискуссий, и реальные дела его ограничивались нравственной сферой. Вопрос о непосредственной борьбе за освобождение был поставлен следующим поколением, в 1870-е годы. **Именно тогда в России появились первые революционные и социалистические группы**[5]. Пришло время приступить к *действию*. Но оно уже не имело ничего общего с нигилизмом прошлых лет. Само слово это ушло в прошлое и осталось в русском языке лишь как чисто исторический термин, память об идейном движении 1860-х годов.

За границей принято называть «нигилизмом» всё русское революционное движение вплоть до «большевизма» и использовать выражение «нигилистская партия». Это ошибка, вызванная незнанием подлинной истории движения.

Крайне реакционное правительство Николая I не желало отдавать себе отчёта в происходящем, замечать начинающееся брожение умов. Напротив, оно, с целью обуздать нарождавшееся движение, бросило вызов обществу, создав тайную политическую полицию (**пресловутую Охранку**[6]), специальный жандармский корпус и т. п.

Преследования по политическим мотивам стали настоящим бедствием для страны. Вспомним, что именно в то время молодой Достоевский едва избежал казни и был отправлен на каторгу за то, что состоял членом мирного кружка социальных исследований, руководимого Петрашевским; что к голосу виднейшего русского критика и публициста

Белинского почти не прислушивались, а другой великий публицист, Герцен, был вынужден покинуть страну; и так далее, не говоря уже об убеждённых и активных революционерах, таких, как Бакунин.

Этими репрессиями не удалось погасить напряжённость, причины которой коренились слишком глубоко в обществе, и, тем более, улучшить положение в стране. Николай I не желал знать никаких других средств, кроме дальнейшего закручивания бюрократических и полицейских гаек.

Тем временем Россия оказалась втянута в Крымскую войну (1854–1855 гг.)[7]. Это стало катастрофой для страны. Военные перипетии со всей очевидностью продемонстрировали банкротство режима и слабость империи. «Глиняные ноги» колосса в первый раз дали трещину. (Естественно, уроков из этого не извлекли.) Война обнажила политические и социальные язвы государства.

Николай I умер в 1855 году, тотчас после поражения в войне, прекрасно отдавая себе отчёт в произошедшем банкротстве, но не имея сил противостоять ему. Можно предположить, что вызванное этим потрясение ускорило его смерть. Ходили даже упорные слухи о том, что царь отравился; это весьма правдоподобно, хотя веских доказательств не обнаружено.

Чтобы читатель лучше понял те события, которые произошли в дальнейшем, в заключение этой главы следует подчеркнуть один мало известный, но важный момент.

Несмотря на свою слабость и различного рода препятствия, за короткий промежуток времени страна достигла значительного технического и культурного прогресса.

Под воздействием экономической необходимости появилась «национальная» промышленность, она вызвала к жизни рабочий класс, пролетариат. Возникли крупные заводы. Произошло переоборудование портов. Увеличилась добыча угля, железа, золота и других полезных ископаемых. Получили развитие средства связи. Была построена первая скоростная железная дорога, соединившая две столицы, Москву и Санкт-Петербург. Она стала настоящим техническим достижением, поскольку территория между двумя городами топографически мало пригодна для такого рода строительства, почва проседает и зачастую заболочена. Расстояние между Москвой и Петербургом составляет около 600 вёрст (примерно 640 километров). Рациональный экономический подход не допускал строительства железнодорожного пути по прямой линии. Рассказывают, что Николай I, лично интересовавшийся проектом (дорогу строило государство), поручил нескольким инженерам разработать и представить ему планы и сметы. Пользуясь случаем, инженеры составили чрезвычайно сложные чертежи, с многочисленными поворотами, объездами и т. п. Николай I всё понял. После беглого просмотра он отложил проекты в сторону, взял карандаш и лист бумаги, отметил на нём две точки, соединил их прямой линией и сказал: «Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая». **Это означало приказ, конструкторам оставалось только исполнить его**[8]. И это сложнейшее дело они выполнили — ценой невероятных усилий, титанического труда тысяч рабочих, трудившихся в бесчеловечных условиях.

Николаевская железная дорога (названная так в честь царя) до сих пор считается одной из лучших в мире: 609 вёрст (примерно 650 километров) путей, протянувшихся практически прямой линией.

Отметим, что нарождавшийся рабочий класс ещё сохранял тесные связи с деревней, из которой вышел и куда возвращался по завершении временной работы. Впрочем, крестьяне, привязанные к земле своих помещиков, не могли покинуть её навсегда. Чтобы занять их в промышленности, требовалось договариваться с их владельцами. Настоящие городские рабочие — представлявшие собой в ту эпоху своего рода бродячих ремесленников — были весьма немногочисленны. Таким образом, пролетариат в прямом смысле слова ещё не возник. Но создались все предпосылки, необходимые для его появления. Необходимость в постоянной рабочей силе требовала отмены крепостного права. Через два или три поколения в России, как и во всём остальном мире, возникнет класс наёмных рабочих, подлинный промышленный пролетариат, лишившийся всякой связи с землёй.

Быстрый прогресс произошёл и в области культуры. Более-менее обеспеченные родители хотели видеть своих детей хорошо образованными. Быстрый рост числа гимназистов и студентов вынуждал правительство непрерывно увеличивать число средних и высших школ. Этого всё более решительно требовали экономические и технические нужды развития страны. К концу царствования Николая I в России было шесть университетов: в Москве, Дерпте (Тарту), Харькове, Казани, Санкт-Петербурге и Киеве (в таком порядке они создавались), а также десяток технических и специальных высших школ.

Поэтому не следует считать (а такое мнение достаточно распространено), что в ту эпоху Россия была неграмотной, варварской, почти «дикой» страной. Неграмотным и «диким» оставалось закрепощённое крестьянское население. Но жители городов с точки зрения культуры ни в чём не уступали своим западным современникам, за исключением некоторых незначительных особенностей. Что касается молодой интеллигенции, то она в определённом отношении была даже более передовой, чем в других европейских странах.

В этой главе мы уже достаточно говорили об огромном и парадоксальном различии между существованием и менталитетом крепостных и культурном уровне привилегированных слоёв, так что возвращаться к этому нет необходимости.

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 4 апреля 2025 13:28:54

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 21:34:02